Ночь под бронзовым небом
Николай Трясцын

Николай Трясцын

Ночь под бронзовым небом

«Автор»
2026

Трясцын Н.

Ночь под бронзовым небом / Н. Трясцын — «Автор», 2026

Представьте рыбацкий посёлок на краю земли, над которым третью неделю висит медно-красное небо. Здесь пропадают люди: не умирают — уходят в море и не возвращаются. Здесь живёт девушка Серафима, которая слышит голоса утонувших, и священник Гордиан, который носит в себе вопрос, острый как гвоздь: а что, если там, за гранью, — только пустота? Только медь. Только безмолвие.Однажды в посёлок приезжает Он — человек в сером дорожном костюме с лицом смертельно больного аристократа. Он называет себя Инженером. Он не пугает — он утешает. Он не угрожает — он обещает покой. Сладкий, всеобъемлющий покой без Бога, без борьбы, без воскресения. Люди идут к нему и возвращаются с блаженными, пустыми улыбками, не узнавая родных. И кажется — тьма побеждает. Кажется — мир навсегда останется под этим бронзовым небом.Эта книга — о природе тьмы и о том, как узнать её, даже когда она принимает вид ангела света. О святости, которая не боится испачкаться. О священнике, который видел, как умирает вера и не...

© Трясцын Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который пришёл из тумана 5
Глава 2. Девушка, которая пела на волнорезе 6
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Ночь под бронзовым небом

Глава 1. Человек, который пришёл из тумана

Эта книга — о природе тьмы и о том, как узнать её, даже когда она принимает вид ангела света.

Отец Гордиан стоял у окна своей бедной ризницы и смотрел на закат. Закат был нехорош — медно-красный, с полосами тяжёлой, точно налитой свинцом, синевы. Такое небо местные называли «бронзовым» и считали дурным знаком. Оно висело над рыбацким посёлком Крутоярск уже третью неделю, и за это время в море ушло четверо. Не утонули — просто ушли. Сели в лодки и не вернулись. Один был молодой парень, почти мальчик. Двое — старики, которым, казалось, и жить-то надоело. Четвёртый — сам смотритель маяка. Это он гасил свет. Это он открыл створ. А потом сел в лодку и поплыл на запад, где нет берегов.

Отец Гордиан знал: в посёлке что-то гнило. Не рыба, не водоросли — души.

Ему было сорок пять. Лицо — крупной лепки, с глубокими складками у рта, которые одни называют скорбными, а другие — жестокими. Он пришёл сюда три года назад, когда прежний священник, старый и благостный, умер от удара прямо на амвоне, произнося слова: «И остави нам долги наша». Смерть его сочли красивой, почти праздничной. Но отец Гордиан знал: смерть никогда не красива. Она — враг. Последний и главный. И Христос плакал над Лазарем не от умиления, а от ярости — ярости любви против бессмыслия тления.

Он сам был из тех, кто видел врага в лицо. Десять лет назад, ещё будучи полковым капелланом в южной кампании, он держал за руку умирающего солдата, которому осколком разворотило живот. Солдат был юн, безус, и в последние минуты он не молился — он смеялся. Жутким, захлёбывающимся смехом. «Батюшка, — сказал он, глядя в небо, — а ведь нет никого. Там — медь. Пустая медь. Как таз, в который барабанят дождинки. И всё. И точка». И умер с этим смехом на губах.

С тех пор отец Гордиан носил в себе вопрос — не сомнение, а именно вопрос, острый как гвоздь: а что, если мальчик был прав? И вот он стоял у окна, смотрел на бронзовое небо и чувствовал: Тьма идёт. Не та, что снаружи. Та, что внутри.

Глава 2. Девушка, которая пела на волнорезе

Её звали Серафима. Девятнадцать лет, волосы цвета морской соли, глаза — тёмные, прозрачные до дна, как у святых на старых иконах. Она была дочерью смотрителя маяка — того самого, что уплыл во тьму.

В поселке её считали блаженной. Она разговаривала с чайками, собирала на берегу стеклянные поплавки и носила в кармане передника обломок зеркала, которым пускала солнечные зайчики в лица угрюмых рыбаков. Нищие любили её — она всегда отдавала им свою рыбу и хлеб. Но было в ней и другое: временами она замирала, глядя в одну точку, и тогда лицо её становилось нездешним, отстранённым, словно она слушала голос, не слышный никому более.

Отец Гордиан встретил её в первый раз на волнорезе. Был шторм, волны лизали бетон серыми языками, ветер рвал одежду. Серафима стояла на самом краю и пела. Не псалом, не песню — что-то среднее, протяжное, почти животное, похожее на плач кита. Ветер относил слова, но мелодия оставалась — пронзительная, чистая, режущая сердце.

— Что ты делаешь? — спросил он, подойдя ближе. — Упадёшь ведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.